

ИСТОРИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЯТИЯ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РСФСР 1922 ГОДА

Крашенинников Павел Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
(Москва, Россия)

Суханов Евгений Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
(Москва, Россия)

К СТОЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ПЕРВОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА¹

Первый отечественный Гражданский кодекс был принят 31 октября 1922 г. и введен в действие 1 января 1923 г. вместе с большим количеством приложений — специальных нормативных актов. Они установили, в частности, пределы количества и стоимости имущества, которое могло находиться у частных лиц, включая юридические лица. В Кодексе получило законодательное признание имущественно-правовое положение граждан и юридических лиц — договорное, вещное и наследственное право.

Штурм себя не оправдал

Гражданский кодекс — закон, в систематизированном виде содержащий все основные правила и принципы частного (гражданского) права. До принятия ГК РСФСР 1922 г. в Российской империи не было законов такого рода, хотя в конце XIX — начале XX века предпринимались попытки создания Гражданского уложения — огромного сводного законодательного акта, подобного гражданским кодексам других европейских государств.

Тщательно подготовленный проект Уложения содержал более 2600 статей. Однако эти попытки не увенчались успехом. В сравнении

¹ Статья первоначально опубликована в «Российской газете»: Федеральный выпуск № 228 (8876) 2022 г.

с ними ГК 1922 г. был компактным (менее 450 статей) и более удобным для ознакомления и применения как судьями и профессиональными юристами, так и всеми гражданами, на которых он прежде всего и был рассчитан.

Вместе с тем по своему содержанию и даже порядку и срокам разработки этот Кодекс во многом имел беспрецедентный характер. Как писал сразу после его принятия один из его главных создателей А.Г. Гойхбарг, член коллегии Наркомюста и один из руководителей «Малого Совнаркома»: «Наш Гражданский кодекс не имеет корней в прошлом. Он не является завершением долголетней судебной практики или теории. Он построен на совершенно расчищенном месте. За два года до его появления в Советской России почти не оставалось и следа от тех отношений, которые обычно именуется частноправовыми или гражданско-правовыми». Конечно же, разработчики советского ГК учитывали наработки дореволюционных юристов, но говорить об этом было смерти подобно.

После окончания гражданской войны Советская Россия оказалась в глубоком экономическом кризисе. Страна почти ничего не производила, и перераспределять было больше нечего. В.И. Ленину пришлось признать: «К весне 1921 года выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым способом»... перейти к социалистическим основам производства и распределения». Нарастало недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих, кульминацией которого стало восстание моряков в Кронштадте 28 февраля — 18 марта 1921 г.

Кронштадтские события ускорили принятие решения о замене продразверстки продналогом, ознаменовавшее переход к новой экономической политике — НЭПу.

Рынок нам поможет

Сущность НЭПа состояла в использовании элементов рыночной экономики при сохранении большевиками «командных высот» в политике и экономике. Имелись в виду руководящая роль РКП(б), государственный сектор, централизованная финансовая система и монополия внешней торговли. В результате сложилась более или менее цельная экономическая система, в которой сплелись рыночные и административные начала. Была введена свободная торговля, разрешены аренда земли и применение наемного труда в сельском хозяйстве, а также запрещенное ранее мелкое и среднее частное предпринимательство.

Именно введение, хоть и в урезанном виде, рыночных отношений и послужило основанием воссоздания гражданского законодательства на территории РСФСР, а впоследствии — СССР.

Начало создания Гражданского кодекса Наркомюстом относится ко второй половине 1921 г. Первоначально все усилия были направлены на создание Кодекса законов об обязательствах, возникающих из договоров, поскольку развитие торгового оборота диктовало необходимость урегулировать в первую очередь договорные отношения. Поэтому сначала готовился закон с названием «Кодекс законов об обязательствах».

Обсуждалось название «Кодекс экономических законов», поскольку термин «гражданское уложение» ассоциировался с имперскими воззрениями, а «гражданский кодекс» — с буржуазными.

Работа над проектом велась в Наркомюсте с лета 1921 г. до начала 1922 г., когда проект был внесен на рассмотрение в Совнарком. Следивший за этой работой В.И. Ленин в письме наркому юстиции Д.И. Курскому от 20 февраля 1922 г. требовал «не перенимать (вернее, не дать себя надуть тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое. Не поддаваться Наркоминделу, который «по должности» тянет линию «приспособления к Европе», а бороться с этой линией, вырабатывать новое гражданское право, новое отношение к «частным» договорам и т.п. Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное». Это означало, что вся экономика в итоге должна оказаться под полным контролем государства.

10 тысяч золотых

Жаркие споры шли по поводу недвижимого имущества, поскольку «недвижимая собственность как связь частной собственности с землей была исключена из области тех уступок, которые пролетариат мог предоставить буржуазии». Выступая на III сессии ВЦИК 15 мая 1922 г., Д.И. Курский отмечал, что «мы предоставляем право на строение, но не предоставляем прав на участки под этими строениями». В результате ГК 1922 г. «упразднил» деление имущества на движимые и недвижимые, сделав правилом, а не исключением сохраняющийся у нас и в настоящее время разрыв между правом собственности на строение и правом собственности на земельный участок, на котором оно расположено. В конечном итоге это привело и к «упразднению» вещного права в целом, восстановить которое в полном объеме не удастся до сих пор.

Введение, хоть и в урезанном виде, рыночных отношений и послужило основанием воссоздания гражданского законодательства на территории РСФСР.

Еще до принятия ГК, проект которого нуждался в доработке, с целью «не выпустить из своих рук ни малейшей возможности расширить вмешательство государства в «гражданские» отношения» и в условиях необходимости в ходе НЭПа скорейшего урегулирования имущественных отношений был подготовлен Декрет ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР». Он предоставлял всем гражданам право организовывать промышленные и торговые предприятия и заниматься дозволенными законами РСФСР профессиями и промыслами, гарантируя юридическую защиту их имущественных прав. Этим Декретом определялась и система обязательственных прав, а также восстанавливалось право наследования по завещанию и по закону супругами и прямыми нисходящими потомками (в пределах общей стоимости наследства 10 тыс. золотых рублей).

III сессия ВЦИК девятого созыва в мае 1922 г., приняв упомянутый Декрет, поручила Президиуму ВЦИК и Совнаркому выработать и внести на очередную сессию ВЦИК проект Кодекса гражданских законов, который должен был развить положения, законодательно уже закрепленные только что принятым Декретом. Первый раз на заседании ВЦИК проект с названием «Кодекс гражданских законов» докладывался 25 октября 1922 г., через неделю состоялось еще одно рассмотрение, и 31 октября 1922 г. он и был принят как Гражданский кодекс РСФСР. После редакционной правки закон был подписан 11 ноября 1922 г.

Одни проблемы с этим НЭПом...

Гражданский кодекс 1922 г. состоял из четырех частей (хотя поименована частью только первая часть): «Общая часть», «Вещное право», «Обязательственное право» и «Наследственное право». Он восстанавливал ряд классических институтов и понятий, свойственных всякому рыночному хозяйству, таких как право собственности, сделка, юридическое лицо, обязательство, деликт (обязательство из причинения вреда), неосновательное обогащение, завещание и др.

Кодекс законодательно закрепил ранее признаваемое лишь теоретически единство российского гражданского законодательства, т.е. отсутствие в нем свойственного многим тогдашним европейским

правовым системам «дуализма» гражданского и торгового права, выразившегося в наличии двух однородных по содержанию кодексов — Гражданского и Торгового.

С тех пор отечественное право последовательно шло по этому пути, отвергая предложения о создании наряду с Гражданским кодексом особого Хозяйственного или Предпринимательского «кодексов». Вместе с тем неизбежность возрождения в условиях НЭПа многих традиционных частнопровых подходов вызывала раздражение у политического руководства страны, которое рассчитывало, что этот закон сыграет определенную роль в «социалистическом строительстве».

Что же «социалистического», принципиально нового удалось внести в него разработчикам? Ведь на первый взгляд невозможно придумать особую, «социалистическую модель» купли-продажи, договорной неустойки или неосновательного обогащения, отразив в ней принципиальные отличия от аналогичных «буржуазных» понятий.

Прежде всего речь зашла о «формах собственности», многообразии которых появилось именно в ГК 1922 г. и до сих пор считается у нас одним из важнейших признаков рыночного хозяйства. При его принятии на сессии ВЦИК А.Г. Гойхбарг подчеркнул, что «нам пришлось установить то, чего нет ни в каком буржуазном кодексе, что собственность бывает тройкая: собственность государственная, кооперативная и частная». В «буржуазном» частном праве существует лишь одно право собственности с одинаковым для всех содержанием, но с различными субъектами — гражданами, юридическими лицами, государством и другими публично-правовыми образованиями.

Согласно ст. 54 ГК РСФСР предметом частной собственности могли быть исключительно немуниципализированные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами; орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотая и серебряная монета и иностранная валюта, предметы домашнего обихода, хозяйства и личного потребления, товары, продажа которых не воспрещается законом, и всякое имущество, не изъятое из частного оборота.

ГК 1922 г. признал самостоятельными юридическими лицами — субъектами гражданского права — переведенные на хозрасчет государственные предприятия, тогда как ранее «торговые (коммерческие) предприятия» считались объектами, а не субъектами права. Не случайно промышленные и торговые предприятия со строго ограниченным числом наемных работников Кодекс признавал «предметом частной

собственности», а национализированные и муниципализированные предприятия считал «имуществом, изъятым из частного оборота» (хотя и допускал сдачу его в аренду). С тех пор такие уникальные для обычного частного права субъекты, как унитарные предприятия, не являющиеся собственниками своего имущества, продолжают играть значительную роль в отечественной экономике.

Охраняются... за исключением

Кодекс открывала ст. 1 (авторство которой нередко приписывается самому В.И. Ленину), гласившая: «Гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением». Тем самым признание новой властью любых гражданских (имущественных) прав изначально ставилось в зависимость от усмотрения «пролетарского суда» и других правоприменителей, что в первые годы использования этой нормы узаконивало «классовый подход» к разрешению имущественных споров частных лиц, а фактически — судебный произвол. В конце своего действия этот принцип «ограниченной защиты гражданских прав» широко использовался для борьбы с нетрудовыми доходами. Лишь в новом российском гражданском праве он получил более узкую трактовку в виде известного большинству развитых правопорядков запрета злоупотребления правом.

В соответствии со ст. 30 и 147 ГК 1922 г. недействительными признавались сделки (договоры), совершенные с целью, противной закону или в обход закона, либо направленные к явному ущербу для государства, а полученное сторонами по таким сделкам «неосновательное обогащение» взыскивалось в его доход, т.е. подлежало конфискации, чего никогда ранее не было в частном праве. Недействительными также считались сделки, заключенные гражданином под влиянием крайней нужды на явно невыгодных для себя условиях («кабальные сделки»), причем с иском о признании их недействительными в суд могли обращаться не только сами потерпевшие, но и «подлежащие государственным органам и общественным организациям», не участвовавшие в оспариваемой сделке.

Наряду с правом собственности в числе вещных прав Кодекс традиционно предусматривал право застройки и залоговое право. Договоры о предоставлении городских участков под застройку заключались коммунальными отделами с кооперативными объединениями или иными юридическими лицами, а равно с отдельными гражданами

на срок до 49 лет для каменных и до 20 лет для прочих строений. Право застройки само могло стать предметом залога для получения кредита на строительство. Таким образом, оно (как, впрочем, и в дореволюционной России) успешно заменяло нынешнюю «инвестиционную аренду» государственной или муниципальной земли.

Дом – отдельно, земля – отдельно

ГК РСФСР 1922 г. действовал на протяжении более 40 лет, до вступления в силу Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. Он оказался достаточно противоречивым как по своему содержанию, так и по своей роли в развитии отечественного законодательства. Закрепив некоторые новые, «социалистические» подходы, отторгнутые современным российским правопорядком, а в конечном итоге и самой экономической жизнью, в целом он сыграл положительную, прогрессивную роль в развитии отечественного законодательства, направив его развитие в сфере экономики в относительно четкие правовые рамки. Однако постепенно он вытеснялся из сферы «хозяйственных» взаимоотношений государственных предприятий подзаконными правительственными актами и к концу своего действия фактически регулировал в основном имущественные отношения с участием граждан. Примечательно, что даже этот «социалистический кодекс» не смог обойтись без многих классических институтов и юридических конструкций, известных задолго до его принятия. Некоторые из них до сих пор вызывают споры среди отечественных юристов и экономистов, и им еще предстоит пробить себе дорогу в современном российском законодательстве. К их числу можно, например, отнести отсутствующее в действующем законодательстве право возведения строений на чужой, в том числе государственной, земле (вещное право застройки); правило о возникновении права собственности на вещь у ее добросовестного, но незаконного приобретателя в случае судебного отказа собственнику в иске о ее истребовании; признание юридически прочного вещно-правового характера прав залогодержателя и многое другое.

Так или иначе, но в значительной мере благодаря и ГК РСФСР 1922 г. гражданское право «выжило», а целый ряд частноправовых институтов успешно прошли времена империи, диктатуры пролетариата, социализма и обрели свою новую жизнь в современном Гражданском кодексе Российской Федерации.

Габов Андрей Владимирович,
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ,
главный научный сотрудник, заведующий сектором гражданского
и предпринимательского права, руководитель Междисциплинарного
центра правовых исследований в сфере энергетики
Института государства и права Российской академии наук;
научный руководитель юридического института Белгородского
государственного национального исследовательского университета
(Москва, Россия)

О ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РСФСР 1922 ГОДА¹

Нормы гражданского права имеют исключительно важное значение в общей системе норм, регулирующих поведение граждан и их объединений (как имеющих, так и не имеющих правового статуса юридического лица). Слово «исключительное» использовано не случайно, а в силу того, что по предмету своего регулирования (в основе которого — отношения участников гражданского оборота в широком смысле и определение их правового положения) гражданское право — это та часть правового материала, которая непосредственным образом обеспечивает реализацию экономических интересов граждан и их объединений.

Именно нормы гражданского права обеспечивают реализацию основных экономических прав и свобод, закрепляемых на конституционном уровне любого государства. Понятно, что в силу этого эффективность (или, напротив, неэффективность) таких норм прямо связана с экономической эффективностью (влияет на нее) — они могут как наиболее полным образом обеспечивать реализацию различных позитивных экономических интересов при формировании с нормами других отраслей права нормативных комплексов (правовых средств) для предотвращения реализации негативных интересов, таким образом, способствуя реализации как частной инициативы, так и стратегических государственных задач в разных областях жизни, либо,

¹ Положения доклада автора на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы кодификации российского законодательства: история, современное состояние и векторы развития (к 100-летию Гражданского кодекса РСФСР 1922 года)» (Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 7 октября 2022 г.) и настоящей статьи, основанной на этом докладе, опубликованы ранее в следующей работе: [1, с. 271–298].

напротив, препятствовать реализации таких интересов (задач) и (или) не создавать правовые средства для противодействия негативным интересам. Такая эффективность (или, напротив, неэффективность) во многом связана с тем, что можно обычно обозначить интегральным термином «состояние гражданского законодательства»; показателями, по которым можно проводить диагностику этого состояния, являются в том числе система (или системность) и структура гражданского законодательства (понятие «законодательство» здесь использовано нами в широком смысле, а не только как совокупность федеральных законов).

В отечественном праве в основе всей системы гражданского законодательства находится кодифицированный отраслевой акт – Гражданский кодекс, структурирование нормативного материала в котором происходит по пандектной системе. Такое построение системы нормативного материала и его структурирование позволяют решать множество практических задач (стройность и логичность изложения нормативного материала, избежание повторов и противоречий и т.д.). Однако такая система и система гражданского законодательства существовали не всегда, и, строго говоря, в исторической ретроспективе ей не так много лет; в течение продолжительного времени не то что кодификация, а даже систематизация отечественного права была недостижимой целью, ради достижения которой создавались многочисленные комиссии [2; 3; 4 и другие работы]; это в полной мере касается и кодификации «гражданских законов» или, выражаясь современным языком, норм гражданского права – все попытки такой кодификации (в форме составления уложений) вплоть до первой четверти XX в. не имели успеха, а потому весьма примечателен юбилей, который пришелся на 2022 г. – 100-летие принятия Гражданского кодекса РСФСР (постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР»)¹).

Об истории разработки и принятия, содержании этого документа написано немало работ как в период его действия, так и в современный период [5–13 и многие другие работы]; в последние годы появились исследования, посвященные разработчикам этого документа (А.Г. Гойхбарг, прежде всего [14, с. 59–61, 139; 15, с. 259–295], хотя тематика такого рода исследований явно не исчерпана в силу широкого диапазона оценок вклада различных разработчиков в создание кодек-

¹ СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

са, даваемых отечественными учеными). И тем не менее в год юбилея этого кодекса нелишним будет отметить, что ГК РСФСР 1922 г. является уникальным документом как в истории развития отечественного гражданского права в целом, так и для своего времени.

В части оценки в истории развития отечественного гражданского права отметим, что ГК РСФСР 1922 г. — это *первая состоявшаяся кодификация норм отечественного гражданского права*, причем имеющая свое продолженное действие — она оказала значительное влияние на все последующие кодификации отечественного гражданского законодательства; А.Л. Маковский, один их выдающихся отечественных ученых-цивилистов и исследователь вопросов кодификации российской-ского гражданского права, отмечал, что при составлении последующего ГК РСФСР было использовано примерно $\frac{3}{5}$ норм, содержащихся в ГК РСФСР 1922 г. [9, с. 92]; любопытно наблюдение Е.А. Суханова, который указал, что именно этому кодексу мы обязаны появлением такого феномена, как «форма собственности [16, с. 270]; отдельно отметим, что к некоторым идеям, реализованным в этом документе, обращались разработчики концепций развития гражданского законодательства в конце 2000-х гг. (см. Концепцию развития законодательства о вещном праве (проект рекомендован Президиумом Совета к опубликованию в целях обсуждения) (протокол № 3 от 18 марта 2009 г.¹)).

Важно подчеркнуть и то, что этот кодекс предложил структуру — пандектную, которая стала традиционной для последующих кодификаций гражданского права. В 1920-е гг. этот выбор объяснялся весьма прозаично, что хорошо показывают слова С.И. Раевича, указывавшего, что кодекс готовился с «исключительной быстротой», а потому «навряд ли можно было бы желать от авторов его, чтоб они создали для этого Кодекса особую систему, отличную, которые выработаны были ранее буржуазно-феодальным и чисто-буржуазным правом»; ГК, по его мнению, «явился одним из первых этапов развития советского гражданского законодательства, а не завершением длительной истории его и не результатом долгого и дающего богатый опыт развития»; «самое содержание гражданского законодательства, — писал С.И. Раевич, — имевшееся в наличии в момент утверждения Кодекса, предъявляло тогда меньше требований к своеобразию внешней оболочки, в которую оно должно было быть облечено. В нашем праве

¹ <https://privlaw.ru/codification/material-works/development-concepts/> (дата обращения: 06.01.2023).

было тогда меньше оформившихся, в достаточной мере своеобразных институтов, отличающих его от других законодательств»; именно это, по мнению С.И. Раевича, объясняет «почему от авторов ГК навряд ли возможно было бы ожидать, чтоб они построили Кодекс по своеобразной системе, отличной в своей основе от всех типов систематики, выработанных историей буржуазных кодификаций» [17, с. 48–49]. Нельзя, однако, не отметить, что, по мнению ряда исследователей, такой выбор (пандектной системы изложения) имел и более глубокие причины – предпочтения тех цивилистов, которые были причастны к разработке, которые «получили юридическое образование в начале XX в., когда в российских университетах установилось «безраздельное властвование» пандектной теории» [18, с. 43].

В последующем были попытки отказаться при изложении норм гражданского права от пандектной системы, с выдвижением для этого определенных политического характера обоснований, но развития это не имело. Достаточно напомнить мнение С.И. Раевича, высказанное им в 1927 г. относительно структуры будущих союзных основ гражданского законодательства: «Комиссией разрешен уже вопрос о системе «Основ», а, очевидно, и будущих гражд. кодексов союзных республик. Комиссия сочла, что так называемая пандектная система, по которой в основе построены действующие кодексы (характерным признаком ее является наличие общей части Гр. Код.), должна быть отвергнута. Она будет заменена иным расположением, при котором общее положение об объектах права будет соединено с вещным правом под общим заглавием «вещи», а общие положения о сделках – с обязательственным правом. Эта намеченная система будет иметь, в частности, то преимущество, что в ней, как показывает иностранный опыт, легче ориентироваться не юристу» [19, с. 785]. В итоге как не состоялось принятие в тот период основ союзного гражданского законодательства (о подготовке, структуре, содержании этого документа, а также дискуссиях, которые сопровождали работу над ним см.: [7, с. 111–114; 19, с. 785–786; 20, с. 1044–1046; 21, с. 32–47; 22, с. 100–102; 23, с. 20–22 и некоторые другие работы]), так и не были реализованы идеи ни в тот период, ни в дальнейшем об отказе от пандектной системы при изложении норм гражданского права.

Анализ структуры и содержания ГК РСФСР 1922 г. позволяет указать и еще одно его значение, имевшее продолженное действие (для всех будущих до настоящего времени кодификаций гражданского права): кодекс не включал в предмет регулирования вопросы брака и семьи, труда, земельные отношения; ст. 3 ГК РСФСР 1922 г.

устанавливала необходимость регулирования этих отношений «особыми кодексами», что впоследствии и произошло; регулируются эти вопросы в рамках отдельных кодификаций вплоть до настоящего времени.

Любопытно при этом отметить, что кодификация гражданского права в 1922 г. не дополнялась отдельной кодификацией норм торгового и (или) хозяйственного права. Соответствующие вопросы — отдельной кодификации норм торгового и (или) хозяйственного права — сопровождали развитие советского (а затем и российского права, уже применительно к кодификации норм торгового и предпринимательского права) в дальнейшем [1, с. 271–298]. Между тем проект кодификации норм хозяйственного права стал одним из основ для ГК РСФСР 1922 г.¹ Т.Е. Новицкая отмечает, что «еще в годы гражданской войны была попытка создать свод правил, регулирующих достаточно широкий круг отношений, складывающихся в процессе управления промышленностью. Эти правила (их предполагалось назвать «Кодекс экономических законов РСФСР») должны были включать как гражданско-правовые нормы, так и нормы административно-правовые» [8, с. 27], «будь этот проект осуществлен, — пишет она, — создалась бы, по сути, совершенно новая для России отрасль права — своеобразное хозяйственное право» [8, с. 27]. Однако создание такого — отдельного — права (как самостоятельной отрасли в системе советского права) не имело успехов в дальнейшем, хотя соответствующие попытки (даже в виде проектов кодекса) продолжались вплоть до окончания СССР (см., к примеру: проект Хозяйственного кодекса СССР 1970 г. [24], проект Хозяйственного кодекса СССР 1984 г. [25]) и имели существенное научное обоснование [26, 27 и др.].

В части уникальности ГК РСФСР 1922 г. как документа своего времени *отметим исключительно долгое его действие* — более 40 лет; оценки такой долгой «жизни» этого документа могут даваться различные; все они будут насколько правильными, настолько же и спорными. Не претендуя здесь на какое-то эксклюзивное объяснение этого «долгожительства», отметим некоторые собственные суждения на этот предмет.

¹ По мнению некоторых исследователей, едва ли не главной основой. М.Н. Кузнецов пишет (хотя и не приводя существенных аргументов), что «именно конструктивные идеи по систематизации старых и выработке новых норм, регулирующих гражданско-правовые отношения», заложенные в этом документе, «были восприняты при подготовке последующих декретов советской власти (о них ниже), логически завершившихся в конце 1922 г. принятием Гражданского кодекса РСФСР» [12, с. 833].

Оценивая продолжительный период действия кодекса, конечно, надо учитывать, что на него (период) пришлось Великая Отечественная война; надо учитывать и то, что право наше гражданское 1920–1950-х гг. не исчерпывалось одним этим кодексом, было принято множество нормативных правовых актов различной природы; сам кодекс за период своего действия менялся многократно: как отмечает А.Л. Маковский «на протяжении жизни этого ГК в него было внесено около 400 изменений, в том числе были введены 78 новых статей и отменены 76 статей. Больше 80 процентов этих изменений приходится на 1924–1930 гг., т.е. всего на 7 лет из тех 42, что Кодекс действовал» [9, с. 19–20].

И наличие большого нормативного материала вне кодекса, и его изменчивость могут быть отчасти объяснены спецификой содержания кодекса, которая, в свою очередь, есть отражение времени разработки и принятия кодекса. ГК РСФСР 1922 г. — это акт гражданского законодательства, принятый (частично, можно сказать, и разработанный) в период действия НЭПа и для целей реализации новой экономической политики¹, о чем современники (В.И. Серебровский в 1927 г.) писали вполне ясно: «...в эпоху военного коммунизма, за отсутствием гражданского оборота и за отмиранием денежного обращения, гражданское законодательство являлось, в сущности, совершенно излишним», однако «потребность в гражданском законодательстве стала настоятельно ощущаться только со времени перехода к новой экономической политике, когда оживилось денежное и товарное обращение и в известных пределах развязался частный оборот» [28, с. 21]; М. Андрес весьма образно писал в 1923 г.: «Это (принятие кодекса. — *Примеч. авт.*) первая попытка систематизировать гражданское... право переходного периода и тем ввести в определенные границы разгоревшиеся аппетиты обывателя, освободившегося от вечного давления железной руки военного коммунизма» [29, с. 34]. Соответствующие оценки высказывались и позднее: «Нет сомнений, — оценивал этот документ А.Л. Маковский, — в том, что ГК 1922 г. порожден нэпом» [9, с. 18]; схожую

¹ Подчеркнем, что есть и иной взгляд (с которым мы не согласны), не связывающий ни разработку, ни принятие ГК РСФСР 1922 г. с НЭПом; так, М.Н. Кузнецов отмечает, что такая связь (связь между разработкой и принятием ГК РСФСР 1922 г. и переходом страны к НЭПу) ошибочна, что идея кодекса и зародилась, и стала осуществляться задолго до перехода к НЭПу, в рамках более общей задачи — тотальной кодификации всего советского правового пространства, и сама кодификация гражданского права замысливалась советской властью задолго до НЭПа [12, с. 828, 831–832].

точку зрения встречаем и у других авторов [10, с. 38; 13, с. 117]. Отчасти (подчеркнем это, именно «отчасти»¹) это объясняет и широкое использование в кодексе наработок, сделанных еще при создании проекта Гражданского уложения; как отмечал А.Л. Маковский, проект кодекса был ««больше чем наполовину, а то и не две трети» наполнен за счет переработанных норм проекта Гражданского уложения» [9, с. 22].

И при этом надо отметить, что в полной мере назвать его кодексом буржуазным, как это делали и делают некоторые исследователи [13, с. 117], вряд ли возможно; здесь нам ближе иные подходы; так, А.Л. Маковский, оценивая цели и содержание кодекса, писал, что у ГК РСФСР 1922 г. была задача сложная — определить «границы сосуществования двух укладов», «предусмотреть в нем (кодексе. — *Примеч. авт.*) пределы, в которых только и разрешается существовать новому «маленькому» капитализму» [9, с. 24]; Т.Е. Новицкая отмечает, что «при разработке проекта (кодекса. — *Примеч. авт.*) преследовалась, по сути, одна цель: создать закон, ставящий рамки развитию частной собственности, регулирующий «вынужденное отступление Советской власти» [8, с. 109]; говоря иначе, целью кодекса было урегулирование частных отношений таким образом, чтобы не нарушались основы нового строя, среди которых была непримиримая борьба с частными элементами в экономике. Как думается, эта сложная цель разработчиков кодекса и послужила основой его долголетия; ведь любая состоявшаяся (а не оставшаяся в проектах) кодификация — это результат компромисса, заключающегося в том, как на данном этапе должны регулироваться общественные отношения; для этого компромисса мало искусности разработчиков проектов нормативных документов, равно как и мало просто политической воли; для компромисса необходимы и политические, и экономические предпосылки; видимо, в 1922 г. этот общественный компромисс вполне сложился для появления именно такого гражданского кодекса, который был принят и, как оказалось, принят на очень продолжительный период существования нашей страны.

¹ Конечно, здесь важно в целом иметь в виду определенную правовую традицию, тем более что год создания кодекса (1922 г.) и начало революции — отречение в 1917 г. императора — разделяет хотя и богатый на события, но в реальности совсем незначительный промежуток времени. О преемственности в регулировании гражданских отношений до и после революции можно прочитать в замечательной работе Т.Е. Новицкой [30, с. 37–62].

Список использованных источников

1. *Габов А.В.* Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2022. № 47 (2). С. 271–298.
2. Обзорение исторических сведений о Своде законов. Изд. 2-е. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. 204 с.
3. *Шершеневич Г.Ф.* История кодификации гражданского права в России. Казань: Тип. Императорского университета, 1898. 128 с.
4. *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX ст.). Издание 2-е. СПб.: Тип. Монтвида, 1909. X. 644 с.
5. *Бахчисарайцев Х.Э.* К истории гражданских кодексов советских социалистических республик (Очерки). М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 160 с.
6. *Левина Л.М.* К истории Гражданского кодекса РСФСР: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950. 233 с.
7. *Горшенин К.П., Елисейкин П.Ф.* Развитие кодификации советского законодательства: Монография. М.: Юрид. лит., 1968. 247 с.
8. *Новицкая Т.Е.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 224 с.
9. *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010. 736 с.
10. *Рузанова В.Д.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года: предпосылки принятия и преемственность правового регулирования // *Юридический вестник Самарского университета.* 2016. № 2. С. 37–42.
11. *Долинская В.В.* Развитие основных положений гражданского кодекса: на примере ГК РСФСР 1922 г // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина.* 2016. № 10 (26). С. 52–68.
12. *Кузнецов М.Н.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года: особенности рождения и счастливой судьбы // *RUDN. Journal of Law.* Т. 26. 2022. № 4. С. 826–844.
13. *Шатковская Т. В.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. как феномен публично-частного гражданского права: к юбилею кодекса // *Северо-Кавказский юридический вестник.* 2022. № 2. С. 115–122.
14. *Крашенинников П.В.* Страсти по праву: очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2018. 331 с.
15. *Шилохвост О.Ю.* Александр Гойхбарг. Горькая судьба Красного Трибуниана: Биография создателя первого советского Гражданского кодекса. М.: Статут, 2020. 626 с.

16. *Суханов Е.А.* Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008–2012 гг. М.: Статут, 2013. 494 с.

17. *Раевич С.И.* О внешней стороне гражданского кодекса (способ изложения, система и объем его) // Советское право. 1926. № 4. С. 48–58.

18. *Райников А.С.* Исторические основания отечественной гражданской кодификации (по следам исследований А.Л. Маковского) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 5. С. 40–54.

19. *Раевич С.И.* Важнейший очередной вопрос советского законодательства (К разработке «Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик») // Еженедельник Советской Юстиции. 1927. № 26. С. 785–786.

20. *Гойхбарг А.Г.* К выработке «Основ гражданского законодательства» // Еженедельник Советской Юстиции. 1927. № 34. С. 1044–1046.

21. *Раевич С.И.* О выработке общесоюзных основных начал гражданского законодательства // Советское право. 1927. № 3. С. 32–47.

22. *Раевич С.И.* Пересмотр Г.К. и выработка Основ гражданского законодательства Союза С.С.Р. // Еженедельник Советской Юстиции. 1929. № 5. С. 100–102.

23. Доклад тов. Стучка о выработке основ гражданского права Союза ССР и переработке ГК РСФСР // Советская юстиция. 1930. № 12. С. 20–22.

24. Хозяйственный кодекс СССР (проект основных положений). М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1970.

25. Хозяйственный кодекс СССР. М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1984.

26. Вопросы советского хозяйственного права. Сборник первый / Под ред. Л. Гинцбурга, И. Суворова. М.: Гос. изд-во «Советское законодательство», 1933. 283 с.

27. *Лантев В.В.* Предмет и система хозяйственного права. М.: Юрид. лит., 1969. 176 с.

28. *Серебровский В.И.* Развитие гражданского законодательства в РСФСР // Право и Жизнь. Кн. 8. 1927. С. 21–27.

29. *Андрес М.* Гражданский кодекс РСФСР // Еженедельник Советской Юстиции. 1923. № 2. С. 34–35.

30. *Новицкая Т.Е.* Преемственность в регулировании гражданско-правовых отношениях в российском дореволюционном и советском законодательстве // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 5. С. 37–62.

Богоненко Владимир Антонович,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права
Полоцкого государственного университета
им. Евфросинии Полоцкой,
(Новополоцк, Беларусь)

ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ НАЧАЛА 19 ВЕКА: ГИПОТЕЗА РЕЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА ФРАНЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается история российского кодификационного процесса, относящаяся к первой половине 19 века. Дается оценка российских законов, а также предлагается характеристика основных этапов работ, направленных на систематизацию гражданского законодательства. Анонсируются сложности кодификационного процесса и дается его характеристика. Приводится статистика, относящаяся к кодификационному процессу, и делаются выводы по теме исследования.*

***Ключевые слова:** гражданское уложение, кодификация, законодательство законы, систематизация, комиссия, кодекс, принципы, проект.*

После принятия в 1804 г. Гражданского кодекса Франции этот кодифицированный акт стал образцом для многих стран.

В российском праве давно назревала кодификация, так как после Уложения 1649 г. было издано много актов, в частности, с 1649 по 1832 г. было издано 35 993 акта. Больше всего актов было принято в период царствования Александра I, а именно: 11 119, из которых манифестов и указов 10 619. Однако работа назначаемых с завидной регулярностью комиссий по кодификации не привела к желаемому результату. Комиссии по кодификации учреждались в 1700, 1714, 1720, 1728, 1730, 1754, 1760, 1797 гг. Последняя комиссия состояла только из четырех человек и в итоге отказалась от проекта нового кодекса (уложения). Тем не менее эта комиссия составила 17 глав по гражданскому процессу, 9 глав по имуществу, переходящему по наследству (вотчинное или родовое имущество), а также 13 глав — уголовные законы [1, с. 33–37]. После принятия Гражданского кодекса Франции в 1804 г. вновь возникла идея кодификации. Александр I пригласил сторонников новой политики: Румянцева и Сперанского, которые не скрывали своего восхищения талантом французского императора,

принципами произошедшей Революции и положениями Гражданского кодекса [2, с. 563].

Намечая кодификацию, Сперанский настроился на то, чтобы «резать по живому и чинить все сукно», восхищался смелостью Конституции и Наполеоном, Гражданским кодексом и принципами равенства по Конституции VIII г. (Конституции 1799 г. — *Примеч. авт.*), наполеоновским Государственным советом, французской системой централизации [2, с. 648–649]. Отправляясь на свидание с Наполеоном в Эрфурт (1808 г.), император взял с собой Сперанского для докладов по гражданским делам. В Эрфурте Сперанский, отлично владевший французским языком, сблизился с представителями французской администрации, присмотрелся к ним и многому от них научился [3, с. 1120]. Среди прочих вопросов был затронут и вопрос о французской кодификации и возможных ее перспективах в Российской империи. Разговор оказался настолько конкретным, что сам Наполеон рекомендовал для осуществления работ по гражданскому праву французских правоведов Локре и Легра, которые и были впоследствии назначены корреспондентами российской комиссии по разработке законов [4, с. 156]. Можно быть уверенным в том, что поездка в Эрфурт произвела на Сперанского большое впечатление и сделала его сторонником многих наполеоновских идей. Судя по рассказам современников, Сперанский вернулся из Эрфурта с новыми впечатлениями, мыслями и планами, в том числе планами, касающимися работы по разработке гражданского уложения. Многие последующие действия Сперанского строились именно на его представлениях, сформировавшихся в 1808 г. По свидетельству Г.А. Розенкампа, занимавшего должность главного секретаря и первого референдаря десятой комиссии по разработке законов, он встретил в Сперанском совсем другого человека. Уже прежде приверженный от души французской системе централизации и усердный почитатель Наполеоновского кодекса он, с тех пор как побыл вблизи самого источника, вполне уверился, что подобное чудо можно и должно сотворить и у нас [4, с. 150].

Примечательно, что очередная, десятая по счету, комиссия была создана в 1804 г., практически в то же время, когда был промульгирован французский Гражданский кодекс. Однако практическая работа по кодификации задерживалась и только в 1809 г. Александр I утвердил разработанные Сперанским документы, определяющие характер работ. Предполагалось разработать три кодекса (уложения): гражданский, торговый и уголовный. Тем самым подтверждалось следование принятой во Франции модели кодификационного про-

цесса, где уже действовали Гражданский кодекс и Торговый кодекс, а также был разработан Уголовный кодекс. Кроме того, следование французскому опыту кодификации явилось неотъемлемой частью всей программы преобразования системы власти в Российской империи. Манифестом Александра I от 1 января 1810 г. было объявлено о создании Государственного совета, в компетенцию которого среди прочего входили вопросы, связанные с принятием новых законов. Начиная с Непременного совета (1801 г.) российская власть последовательно пришла к официальному Государственному совету, который по подобию французского Государственного совета, формулировал свои мнения, утверждаемые императором. Например, относительно особенностей приобретения имущества, применительно к отношениям между родителями и детьми принималось «высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 14 июня 1823 г. и 18 июня 1827 г.» [5, с. 60].

Вскоре после создания Государственного совета на его рассмотрение был представлен проект Гражданского уложения, который, судя по всему, во многом основывался на положениях Гражданского кодекса Франции 1804 г. и в своей основе составлялся из трех частей. Однако процесс его обсуждения никак не мог завершиться. Противники Сперанского упрекали его в пренебрежении национальным законодательством, называли варварством отказ от русских обычаев и нравов, указывали на рабелепное копирование Кодекса Наполеона. Весьма характерно, что критика законопроекта, по сути, сосредоточилась на личности представившего его Сперанского, а наибольший пик критики пришелся на 1812 г. Во французской юридической литературе называется немало пунктов, по которым Сперанский попал в немилость, в том числе недовольство патриотов, недовольство народа из-за повышения налогов, презрение высокой аристократии, называвшего Сперанского «сыном попа», зависть его коллег А.Д. Балашова (министр полиции), Д.А. Гурьева (министр финансов), А.А. Аракчеева (военный министр) [3, с. 652–653].

По настоящему кодификацией стали заниматься только при Николае I, по мнению которого «различные неудобства и злоупотребления при отправлении правосудия происходили главным образом от того, что не было полных на все законов, а если и были, то понимание их было затруднено чрезвычайным множеством один другому противоречащих указов, и что комиссия, учрежденная для составления законов, находилась в таком положении, что ее труды оставались совершенно бесплодными» [6, с. 2].

Прежде всего были определены принципы, которыми должна была руководствоваться новая комиссия при осуществлении своей работы:

1. Определить точно сущность и принципы кодификации.
2. Подготовить план для общего деления законов.
3. Провести по плану подготовительные работы.
4. Определить завершающие работы [1, с. 45].

В целом же комиссия была ориентирована не на разработку нового кодекса (уложения), а на работу по упорядочению уже принятых ранее многочисленных актов. Такой вектор развития кодификационного процесса был задан самим Николаем I после предоставления ему отчетов о работе комиссий по составлению законов и записок М.М. Сперанского (январь 1826 г.), касавшихся содержания предстоящих к выполнению работ. Существо этих записок сводилось к следующему:

1. Указывалось на начальный характер выполненных прежде работ и их несовершенство.

2. Для выполнения такой задачи, как составление свода законов предлагалось обновить комиссию на основе «лучшего выбора людей» и вменить в обязанность в двухлетний срок окончить все своды законов (гражданских, уголовных, полицейских и хозяйственных).

3. Подготовить издание полного собрания законов в хронологическом порядке.

4. Исходя из того, что, по мнению М.М. Сперанского, составление уложений требует менее труда, но более знаний и соображения и не терпит разделения труда и при этом необходимо единство начал и слога, уложение должно быть составлено одним лицом. При составлении же свода законов работа может быть разделена между многими. Отсюда делается вывод о том, что составление гражданского, как, впрочем, и уголовного уложения, необходимо поручить особому лицу, которое, состоя в непрерывной связи с комиссией, произвело бы эту работу.

Николай I в целом отверг предложения Сперанского и вместо сочинения новых законов велел собрать вначале полностью и привести в порядок те, которые уже существуют, а само дело по его важности взял в непосредственное свое руководство, закрыв прежнюю комиссию. Таким образом, вместо комиссии составления законов и вместо особого учреждения при государственном совете явилось II Отделение собственной его императорского величества канцелярии; начальником его был сделан Балугьянский [7], но сущность самого дела поручена была члену государственного совета Сперанскому. Поручалось же заниматься не уложением, но составить Полное собрание законов и Свод